

УДК 7.033.1

ББК 85.11; 85.113(3)

DOI 10.18688/aa2515-11-61

А. О. Вернер

Тетраконх с обходом как самостоятельная вариация архитектурного типа на территории Северных Балкан в V–VI веках¹

Тетраконхи с обходом составляли распространенную архитектурную типологию во всем раннехристианском Средиземноморье: примеры подобных планировок известны в Италии, на Балканах, в Малой Азии, Сирии, Египте и на Кавказе [35, р. 280]. В плане эти сооружения представляют собой удвоенную структуру (в англоязычной традиции такой тип получил название *double-shelled*): центрическое здание состоит из прямоугольного ядра наоса, в которое открываются четыре колонные экседры, и деамбулатория, внешние стены которого зачастую повторяют очертания четырехлистника.

План тетраконха с обходом был особенно характерен для территорий Сирии и Северной Месопотамии, принадлежавших Антиохийскому патриархату, откуда происходит большинство известных нам памятников (храмы в Селевкий Пиерии, Апамее, Босре, Ресафе, Амиде, Акдегирмен-Хююке, а также, вероятно, Алеппо [34, р. 101–103]). Помимо Сирии, еще один регион обнаруживает большую концентрацию церквей-тетраконхов с обходом: на Северных Балканах они образуют самостоятельную группу памятников V–VI вв. В отличие от сирийских планов, характеризующихся удлиненной алтарной частью, а также от симметричных планов итальянских (Милан и Каноза) или египетских (Абу Мина) памятников, на балканских территориях тетраконх получает вариацию, в которой обход с восточной апсидальной стороны отсутствует²: яркими примерами этого типа служат две церкви на Охридском озере — в Лине (Поградец) и Лихниде (Охрид), тетраконх недалеко от Филиппополя (известный также как Красная церковь в Перуштице) и в Юстиниане Приме (Царичин Град)³. Территориальная и хронологическая близость всех этих памятников, тесное сходство их планировочных решений, отличающихся от остальных средиземноморских примеров, дает основание рассматривать их как целостную группу, вероятно, объединенную не только структурными, но и функционально-семантическими характеристиками.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00656, <https://rscf.ru/project/25-18-00656/>, в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства — филиале ЦНИИП Минстроя России.

² О тенденции к ориентации центрических построек на восток в рамках общей их эволюции см. [4].

³ Единственным известным исключением служит тетраконх с обходом в Адрианополе (Эдирне), имеющий симметричный план в виде четырехлистника. Вероятно, это отличие от группы остальных северобалканских тетраконхов может быть связано с его наибольшей близостью к Константинополю.

Представление о функциональной роли тетраконха в раннехристианской архитектуре претерпело значительную эволюцию в историографии. Точкой ее отсчета можно с уверенностью считать концепцию А. Грабара. Настаивая на роли архитектурной формы как отражения ее функциональной генеалогии, он рассматривал тетраконхи, в том числе тетраконхи с обходом, как и большинство центрических сооружений раннехристианского периода, в рамках типологии мартириев, берущих свое начало от римских мавзолеев и героонов и отмечавших знаковые места, связанные с жизнью и памятью святых, а также служивших вместилищем реликвий [27]. Более осторожной позиции придерживался Р. Краутхаймер, отмечавший, что невозможно определить единое функциональное назначение формы тетраконха, поскольку одна и та же форма могла подходить под разные задачи [36]. Следуя за Краутхаймером, Ю. Кляйнбауэр отказывается от строгих связей между архитектурной формой тетраконха и его функцией: анализируя историко-социальный и археологический контекст каждого из сирийских тетраконхов с обходом, он доказывает, что все они, вероятно, были кафедральными церквями наиболее высокого статуса, принадлежавшими к Антиохийскому патриархату. Кляйнбауэр также делает попытку проследить генезис формы и установить единый прототип, предлагая в этом качестве Золотой Октагон в Антиохии или же одну из константинопольских церквей IV в. [34; 35]. Описывая балканские памятники, С. Чурчич возвращается к идее связи формы тетраконха с функцией демонстрации реликвий: вслед за базиликой-триконхом балканские тетраконхи с обходом оказываются для Чурчича результатом архитектурной эволюции базилики по пути ее приспособления к паломническим нуждам [22].

Действительно, Лихнид, построенный на крутом берегу Охридского озера, был одной из важных остановок на *Via Egnatia*. Будучи одним из двух главных римских путей, пересекавших полуостров, эта дорога шла от Диррахия и Аполлонии на Адриатическом побережье на восток, огибала с севера Охридское озеро, а затем через Фессалоники шла дальше в Константинополь, связывая Западную и Восточную империи [23]. Этот путь служил не только торговым и военным целям, но и активно использовался раннехристианскими паломниками. В частности, он известен нам по итинерарию паломника из Бурдигалы (333 г.), который, возвращаясь из Иерусалима, шел этой дорогой от Константинополя до побережья Адриатики, откуда уже по морю переправился в Брундизий [23, p. 68–69].

Центром христианской жизни Лихнида была церковь, обнаруженная в местности, ныне известной как Плаошник, и датируемая, вероятно, концом V — началом VI в.⁴ Она занимала видное место на выдающемся в озеро мысу, отличалась большим раз-

⁴ Существующие в литературе датировки охватывают широкий период с конца IV до второй половины VI в. Д. Коцо выделяет три фазы строительства тетраконха: IV–V, V–VI (к этому этапу он относит сохранившийся мозаичный пол и постройку баптистерия) и VI в. [6, с. 261]. Анализируя архитектурную резьбу и мозаики, В. Битракова-Грозданова уточняет датировку интересующего нас этапа, на котором окончательно сложилась композиция и декорация тетраконха, второй половиной V в. [1, p. 41–43, 67]. С. Чурчич относит лихнидский тетраконх ко времени до 500 г. [22, p. 159]. На основании убедительных аналогий с мозаиками Биллиса, М. Тутковский датирует декорацию 520–30-ми гг., а саму постройку началом VI в. [40, p. 113–114]. Найденная в атриуме монета времени Анастасия I также может подтверждать подобную датировку [6, с. 261–262].

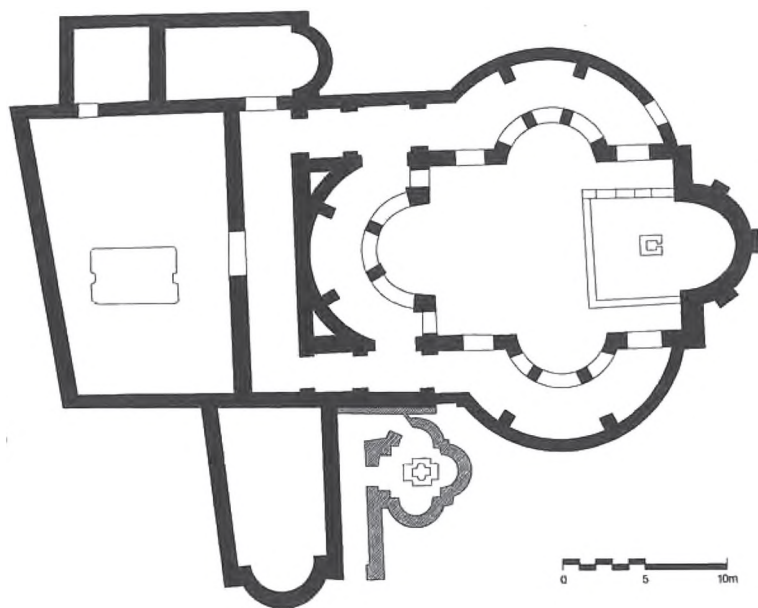

Рис. 1. Тетраконх в Лихниде. Воспроизводится по: [19, p. 159, fig. 162]

мером и была богато украшена мозаиками, в том числе настенными [1, p. 23, 43–67]. Ее центральный прямоугольный неф имел форму тетраконха: с востока он заканчивался апсидой, а по центру северной, западной и южной сторон в наос открывались аналогичные апсиде по размеру и пропорциям колонные экседры (Рис. 1). Со всех сторон, кроме восточной, тетраконх имел обход — колоннам экседр соответствовали пилястры на периметральной стене. Боковые обходы продолжались на запад прямыми коридорами и выходили в нартекс. Помимо основного объема церкви, ее комплекс включал окруженный портиками атриум [1, p. 25; 2, с. 36] и примыкающие парэклесии: придел с апсидой на севере, а на юге — баптистерий со вспомогательным помещением.

Северная пристройка состояла из двух помещений: в восточное, имевшее форму придела с апсидой на востоке, можно было попасть из нартекса, а в западное, прямоугольное в плане помещение вел проход напрямую из атриума. В. Битракова-Грозданова определяет этот северный парэклесий как диаконник. Аналогией могут служить другие региональные примеры базилик, где диаконник располагался к северу от нартекса и атриума: епископская базилика в Стоби, базилика в Геракле Линкестис и базилика *extra muros* в Филиппах [2, с. 37–38].

Планировка расположенного с южной стороны баптистерия практически повторяла в меньшем масштабе форму большого тетраконха: единственное различие состояло в том, что вместо западной конхи был устроен прямоугольный рукав креста. По центру располагалась крестообразная купель с лестницами в восточном и западном рукавах. В баптистерий вели два входа: катехумены попадали в баптистерий с запада, а после

совершения обряда крещения выходили через проем в северной конхе [2, с. 38], что позволяло упорядочить их перемещение и организовать движение, вероятно, большого потока верующих внутри баптистерия, не нарушая последовательности обряда. С запада к коридору перед баптистерием примыкало помещение, завершавшееся апсидой с южной стороны. Учитывая расположение в непосредственной близости к баптистерию, Битракова-Грозданова предполагает, что оно могло также быть связано с обрядом крещения и служило консигнаторием или катехуменионом [2, с. 39–40].

Расположение пастофориев по сторонам от нартекса было характерно для раннехристианских базилик на территории Македонии и Сербии до середины VI в.⁵ Примыкающие к нартексу помещения с апсидальными завершениями имели базилики в Студенчиште и в Радолиште (обе в Охридском регионе в непосредственной близости от лихнидского тетраконха), ротонда в Конюхе [10], триконх в Юстиниане Приме, кладбищенская базилика в Ормане (Конюшница), церковь в Руйковаце и базилика в Геракле Линкестис; еще чаще встречаются примеры с простыми прямоугольными западными пастофориями [8, с. 645; 25, р. 149]. Подобно тетраконху в Лихниде, баптистерий в одном из примыкающих к нартексу помещений имели базилика св. Эразма в Лихниде, базилика св. Николая в Октиси, северная базилика в Стоби, базилика св. Афанасия в Покрвенике. При этом два памятника Охридского региона — базилики в Радолиште и Студенчиште — можно считать полными аналогами тетраконха в Лихниде по расположению примыкающих к нартексу помещений: с севера — ориентированный на восток парэклесий, с юга — баптистерий с дополнительным помещением, ориентированным по оси север-юг. Идентичную, но зеркально перевернутую конфигурацию пастофориев фиксируют рельефные планы, выполненные на кирпичах, найденных в нескольких охридских церквях⁶, что дает представление о механизме трансляции архитектурной идеи и свидетельствует о том, что типологическая близость охридской группы базилик объясняется не простым подражанием соседним памятникам, но осознанной общей ориентацией на определенную планиметрическую концепцию.

Важным с точки зрения идентификации тетраконха в Лихниде как точки паломнического притяжения является наличие небольшой крипты под алтарем, характерной для греческих территорий в V–VI вв. В ее восточной стене была устроена облицованная мрамором ниша для реликвария или оссуария (ср. крипта с нишами в крестообразной базилике на Тасосе), не сохранившая, однако, следов, которые могли бы прояснить ха-

⁵ Первыми памятниками, фиксирующими перемещение пастофориев на восток к алтарю, которое будет характерно для пост-юстиниановского времени, считаются епископская базилика в Юстиниане Приме, Еленская базилика близ Пирдопа, церковь в Чурлине близ Ниша [12, с. 61–62; 18, р. 62]. О проблеме западного диаконника см. [9, с. 30–33; 11, с. 646, 655].

⁶ Один из кирпичей был найден в нартексе Св. Софии в Охриде, а два других — непосредственно в базилике в Радолиште [5, р. 354–355; 7, р. 28; 29, р. 229]. Зеркальность фундаментов церквей относительно найденных рельефных планов дает основание предполагать, что механизм трансляции архитектурной идеи включал некий «протограф» с гравированным рисунком (гравированные планы известны среди археологических находок в регионе — один из них происходит из тетраконха в Лихниде, см. ниже). То есть изначально план мог чертиться на сыром кирпиче, который обжигался и служил формой для последующих отпечатков, получавшихся, соответственно, рельефными и зеркальными. Гравированный план в таком случае совпадал бы с реально построенными базиликами в Радолиште и Студенчиште.

ракетер этих реликвий и посвящение церкви [1, р. 35; 24, р. 119–120]⁷. Необходимо отметить, что благодаря плану с боковыми конхами все движение в церкви было сфокусировано и направлено к пресбитерию с криптой: даже при продвижении по обходам путь верующего упирался в алтарь (по сути, создавая прямую коммуникацию между боковыми нефами и алтарем). Отсутствие обхода с востока прерывало круговое движение, а центральный неф имел выраженно прямоугольный план, вытянутый по оси запад-восток, сообщавший пространству базиликальность. Все это лишало церковь центрического характера, свойственного тетраконхам других регионов, как на востоке (сирийским и месопотамским), так и на западе (италийским). Мы склонны поддержать определение церкви в Лихниде не как центрического здания, а именно как базилики-тетраконха, которое дает ей Д. Коцо [6, с. 257], так как оно точнее отражает характер ее пространственного устройства.

Кроме того, динамику пространства, мотив направленного движения через базилику подчеркивало наличие прохода восточном конце северного обхода, изначально ведшего в смежные помещения, а позже превращенного в окно [2, с. 36; 40, р. 107–108]⁸. Восточные двери имели также базилики в Стоби, базилика II в Давина Кула близ Скупи и в Геракле Линкестис, ротонда в Конюхе [25, р. 147]. Как предполагает С. Филипова, эти проходы в восточной стене (кроме доступа в смежные части комплекса) могли обеспечивать связь базилики, с одной стороны, и близлежащего мартирия, мемориальной (в случае Конюха) или кладбищенской церкви (Стоби и Орман близ Скупи), с другой стороны. Мемориальная церковь, где хранились реликвии, служила отправной точкой церемоний и служебных процессий, продолжавшихся в епископской или иной главной городской базилике [25, р. 147].

Хотя модель, предложенная Филиповой, является лишь одной из многочисленных гипотез, связанных с функциональной ролью восточных входов, она представляет интерес для интерпретации комплекса на Плаошнике. Действительно, Лихнид, как епископский центр провинции Новый Эпир, должен был обладать кафедральной церковью⁹. Некоторые исследователи, в частности, В. Битракова-Грозданова и Р. Ходдинотт, ассоциировали с епископской базиликой сам тетраконх, имевший одновременно кон-

⁷ Высказываются, однако, предположения, что тетраконх мог быть посвящен св. Эразму, выходцу из Антиохии, почитавшемуся в качестве первого проповедника христианства в Охридском регионе [2, с. 41; 15, р. 214].

⁸ Мозаика, украшавшая одно из помещений, в которые вел проход и которое имело форму парэклесия с апсидой, изображала комбинированную сцену 41-го псалма с четырьмя райскими реками. См. [40, р. 107–116]. Аналогичные сцены украшали баптистерий и диаконник: три конхи баптистерия, так же, как и апсиду диаконника, занимали мозаики с изображением источника, фланкированного двумя ланями (Пс. 41). В углах между конхами были изображены персонификации четырех райских рек, каждая из которых имела подпись (Геон, Фисон, Тигр (не сохранился) и Евфрат). См. [1, р. 43–67]. Такое количество повторений сцены могло подразумевать особо важную роль обряда крещения для лихнидского тетраконха. В этом контексте переключки формы баптистерия и церкви могла быть не только композиционным, но и семантически нагруженным решением, подчеркивавшим функцию тетраконха как места духовного перерождения и обращения в христианскую веру.

⁹ Уже в IV в. он фигурирует как епископский город: среди подписавших документы собора в Серди-ке 343 г. упоминается Дионисий Лихнидский. Позже, в середине — второй половине V в. и начале VI в. епископы Лихнида регулярно фигурируют в источниках. См. [42, р. 186–187, 190–191].

нотации мартирия [1, р. 67; 29, р. 228–229]. Однако, следует отметить, что к югу от тетраконха (на месте климентовской базилики св. Пантелеймона) была найдена большая трехнефная базилика конца IV — середины V в. с колонным атриумом, нартексом и монументальным украшенным мозаиками баптистерием [13, с. 97–121]. На наш взгляд, эта южная базилика могла лучше подходить на роль кафедральной, более вместительной и удобной с точки зрения литургических нужд, в то время как базилика-тетраконх играла роль символически значимой мемориальной церкви¹⁰. Вероятно, она могла выступать точкой паломнического притяжения как вместилище реликвии — не обязательно мартирий, о чем говорит динамика ее внутреннего пространства (отсутствие статики центральных построек и, напротив, явно выраженный фокус на алтаре с криптой). В таком контексте две большие церкви Плаошника, тетраконх и южная базилика, могли функционировать в паре, согласно той модели, которую предлагает Филипова, хотя установить конкретную процессионную связь между ними на данный момент не представляется возможным.

С епископской базиликой иногда соотносят и церковь в Лине (датируемую началом — первой половиной VI в.)¹¹, чему, однако, нет однозначных доказательств [21, р. 20]. Эта церковь также располагалась на *Via Egnatia*: от Лина путь поворачивал и шел вдоль берега Охридского озера к Лихниду. Возведенная на возвышенном мысу на противоположной стороне озера, всего в 13 км по прямой от лихнидского тетраконха [22, р. 158], церковь в Лине выстраивала с ним визуальную связь, вступая в прямой архитектурный диалог. Чрезвычайно схожий с лихнидским план церкви Лина (Рис. 2) включал также атриум, нартекс и примыкающие к нему пристройки. Прямоугольный центральный неф с конхами на севере, востоке и юге был окружен боковыми обходами; западный конец нефа, однако, не имел конхи, что, фактически, превращало тетраконх в триконх и снимало проблему сложного соединения с нартексом. Церковь в Лине также имела западные, примыкающие к нартексу пастофории: северный квадратный в плане парэкклесий имел апсиду на востоке, а прямоугольный южный — на юге. Вероятно, так же, как и аналогичное помещение в лихнидском тетраконхе, южный придел мог служить катехуменионом для примыкавшего к нему с востока баптистерия.

Таким образом, по конфигурации западных пастофориев церковь в Лине встраивалась в ряд аналогичных планировочных решений церквей охридского региона, образованный тетраконхом в Лихниде, базиликами в Радолиште и Студенчиште. Мозаичная декорация подтверждает тесную связь базилики Лина с этими памятниками и с базиликой в Октиси. Помимо этого, обнаруживается сходство с двумя мозаиками, найденными в Тушемиште в Поградце и в Полене в Корче [16, р. 336–337]. Совпадение планировки с тетраконхом в Лихниде и другими охридскими памятниками, стилистическая

¹⁰ Мысль о том, что тетраконх в Лихниде не был епископской церковью, высказывает также Г. Атанасов [17, р. 75].

¹¹ На основе анализа скульптурной декорации С. Чурчич относит церковь в Лине к концу V в. — первой половине VI в. [22, р. 158]. С. Анамали и А. Мекси придерживаются более узкой датировки началом VI в. исходя из стилистики и мотивов мозаик, а также найденных при раскопках монет Юстина I и Юстиниана [16, р. 330, 336–337; 37, р. 24]. Об активной архитектурной модификации церкви, сформировавшей ее окончательную композицию в начале VI в., и последовавшем расцвете комплекса в середине VI в. пишет также У. Чикопано [21, р. 51].

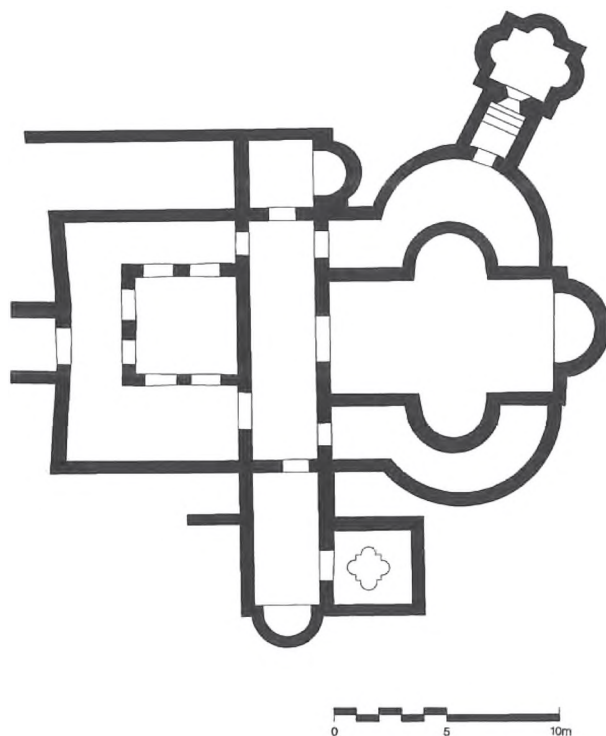

Рис. 2. Церковь в Лине. Воспроизводится по: [19, p. 158, fig. 161]

близость их мозаик, а также характер изображенных в церкви мотивов, включающих местную флору и фауну озера, позволяют предположить, что церковь в Лине была возведена и декорирована местными мастерами, работавшими в районе Охридского озера, вокруг Лихнида [1, p. 51; 16, p. 337; 37, p. 24]. Территория, на которой работала команда охридских мозаичистов, украшавших церковь в Лине, простиралась до побережья Адриатики, как свидетельствуют параллели с декорацией базилик А, В, С и D в Биллисе [40, p. 110–114] и с мозаиками из Скампи, Аполлонии, Диррахия, Саранды и Бутринта [16, p. 336–337].

Еще одна отличительная черта, позволяющая говорить о *Via Egnatia* как о важном канале циркуляции материалов и мастеров, связывавшем Лин с памятниками Адриатического побережья, заключается в использовании разного по происхождению и по цвету мрамора в архитектурной декорации и литургическом убранстве церкви. Подобная декорация, как правило, характерна для прибрежных центров, выгодно расположенных с точки зрения транспортировки материалов, и известна в базиликах Скампи, располагавшегося гораздо ближе к побережью, чем Лин [28]. Помимо этих параллелей, о роли церкви в Лине как активно функционировавшей паломнической остановки, тесно связанной с другими важными христианскими центрами на *Via Egnatia*, говорят

такие характерные элементы комплекса, как две цистерны для воды и дополнительные помещения, возможно, выполнявшие роль dormitorioв [21]. Кроме того, из восточной части северного обхода церкви лестничный коридор спускался в придел, в плане представлявший из себя уменьшенную версию тетраконха. Хотя его расположение ниже уровня церкви было обусловлено перепадом рельефа, возможно, он мог иметь схожие с криптой мемориальные функции: об особой значимости этого пространства говорит нетипичный выбор плана, как представляется, намеренно перекликавшийся с формой церкви и купели баптистерия¹². На возможное мемориальное значение может также указывать ряд устроенных в нартексе гробниц VI в., очевидно, относящихся к традиции погребения *ad sanctos* [21].

Другой памятник, относящийся к группе балканских тетраконхов, — Красная церковь в Перуштице (конец V — первая половина VI в.¹³) — аналогично церкви в Лине располагалась вне города, в 21 км к югу от Филиппополя [17, р. 73], служившего важным епископским центром на *Via Militaris*, второй крупной дорожной артерии позднеантичных Балкан. Церковь близ Филиппополя имела типичный для балканских тетраконхов план (Рис. 3): без обхода с восточной стороны, с атриумом [41, р. 640], нартексом и примыкающими пастофориями. Последние были расположены зеркально¹⁴ пастофориям охридских памятников: с севера — квадратное помещение баптистерия с купелью в виде четырехлистника, а с юга — вытянутый по оси запад-восток придел с апсидой. Не исключено, что функции этого придела включали хранение реликвий, как это предполагает ряд исследователей [3, с. 33–34; 17, р. 73; 41, р. 643–644]. Возведение большой церкви необычного плана с баптистерием вдали от урбанизованного центра, на доминирующей над окрестностями возвышенности может, действительно, свидетельствовать о паломнической функции и, вполне возможно, мемориальном значении тетраконха¹⁵.

¹² Придел относился к раннему этапу существования церкви в Лине [21]. Возведение большого тетраконха церкви и еще одного малого — в баптистерии, говорит о сознательном настойчивом умножении этой формы. Аргументом в пользу того, что речь идет о дублировании планировочной структуры, а не простом совпадении четырехлистной формы придела/церкви и купели, говорит усложненный абрис последней: квадрат, по центру каждой из сторон которого находятся полукружия конх, а углы квадрата при этом остаются видимыми.

¹³ Большая часть исследователей датируют тетраконх VI в., в том числе к этому времени А. Грабар относит фрагменты изначальной фресковой росписи [22, р. 241–242; 27, р. 193–194; 36, р. 98]. Однако история тетраконха была сложна: С. Бояджиев выделяет несколько фаз существования постройки, относя ее возникновение в качестве мартирия к IV в., а сложение интересующей нас композиции церкви с экзонартексом и примыкающими помещениями — предположительно, ко времени, предшествовавшему юстиниановскому периоду [3, с. 31–36]. М. Ваклинова относит этот этап к первой половине VI в. [41, р. 643–644]. Учитывая тесное сходство с другими рассматриваемыми в статье памятниками, мы склонны поддержать датировку, предлагаемую Бояджиевым и Ваклиновой.

¹⁴ Этот факт может косвенно подтверждать гипотезу о механизме распространения архитектурных планов с помощью «позитивных» (рельефных) и «негативных» (гравированных) кирпичных рисунков.

¹⁵ В частности, Г. Атанасов, вслед за А. Грабаром, развивает и конкретизирует интерпретацию тетраконха в качестве мартирия. Сопоставляя особенности архитектуры и детали жития трех местничных мучеников IV в. — Феодота, Асклепидота и Максима, он предполагает, что мартирий мог быть установлен на месте их казни. Косвенно такая гипотеза может подтверждаться найденным в тетраконхе фрагментом фрески с изображением воина, конвоирующего мученика (?) с нимбом [17; 27, р. 193–194].

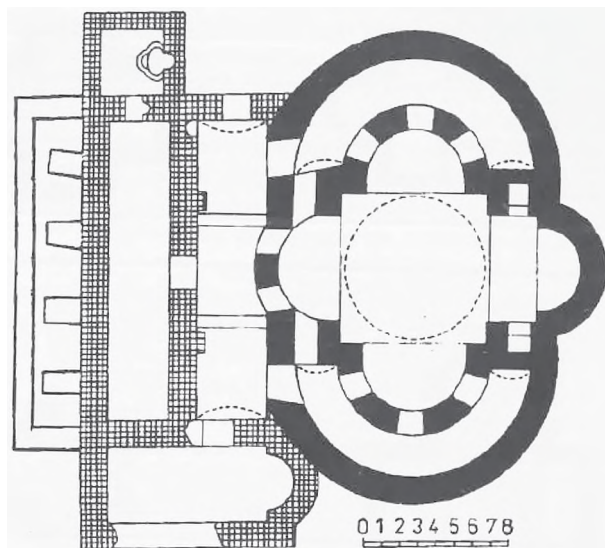

Рис. 3. Красная церковь в Перушнице. Воспроизводится по: [11, с. 48, фиг. 21а]

В отличие от охридских тетраконхов, выполненных в смешанной кладке, церковь в Перушнице была полностью возведена из кирпича¹⁶. Вероятно, с этим была связана большая монументальность и толщина стен; колонны в экседрах центрального нефа были заменены на столбы. Мощные опоры и стены, в отличие от аналогичных памятников сохранившиеся до высоты подпружных арок и парусов сводов, позволяют с уверенностью реконструировать купольное завершение, а также систему сводчатых перекрытий обхода и нартекса тетраконха, имевшего, судя по всему, «террасную» конструкцию постепенно понижающихся перекрытий (купол — полукупола экседр — своды обхода и нартекса) [3, с. 28–30].

На примере тетраконха в Перушнице хорошо заметна трудность, с которой сталкивались зодчие в процессе приспособления плана тетраконха с обходом к северобалканской архитектурной традиции, вероятно, связанной с местными литургическими особенностями, а именно, проблема решения западного рукава тетраконха. Необходимость совместить полуциркульную форму конхи с поперечным, вытянутым прямоугольным пространством нартекса приводила к появлению разнообразных конфигураций: в Лихниде прямая стена нартекса была пристроена встык к изогнутой стене западного обхода, образовав нефункциональные треугольники по краям. При этом, чтобы обеспечить проход из нартекса в северный и южный обходы, их пришлось удлинить коридорами. В Лине проблема была решена радикальнее: через полный отказ от западной конхи

¹⁶ С. Чурчич связывает эту особенность с влиянием Константинополя [22, р. 242]; Ю. Кляйнбауэр указывает на особенности декорации, которые могут свидетельствовать о подобной связи [35, р. 292]. С. Бояджиев также предполагает, что в возведении тетраконха могли участвовать константинопольские мастера [3, р. 36].

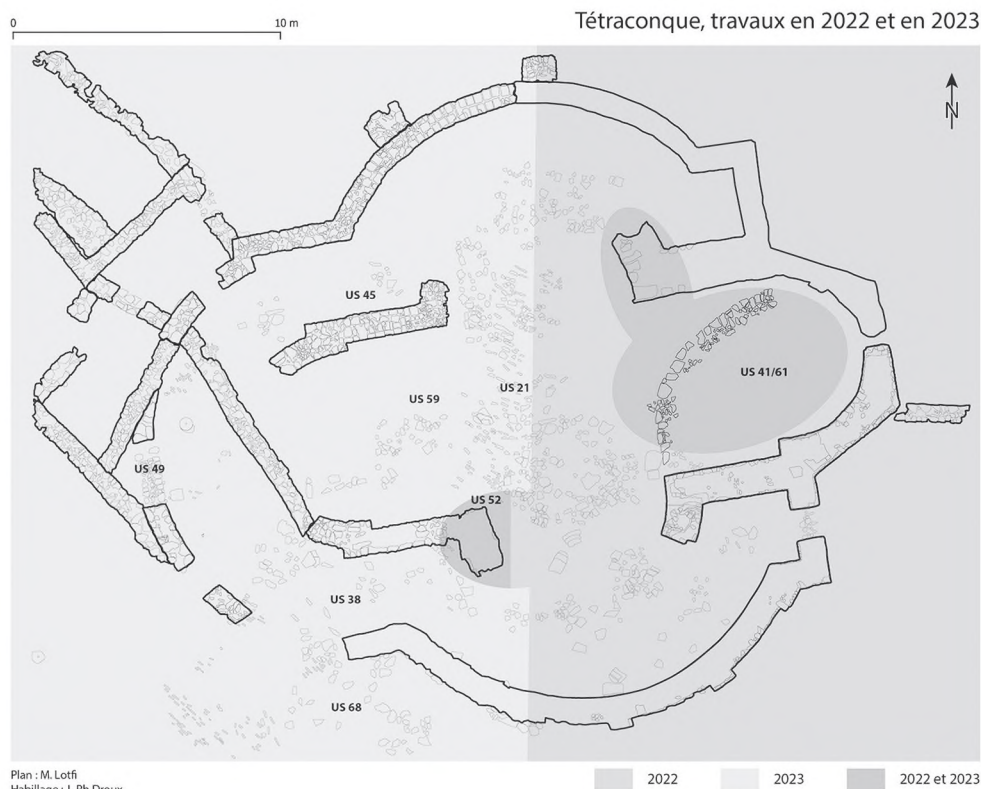

Рис. 4. Тетраконх в Юстиниане Прима. Воспроизводится по: [16]

и устройство вместо нее прямоугольного базиликального нефа, легко стыковавшегося с нартексом. В тетраконхе близ Филиппополя западный обход был, по сути, превращен в нартекс: конха была врезана в его пространство. Это создало необходимость в экзонартексе с более простой прямоугольной планировкой — именно к нему в данном случае примыкали пастофории.

Еще один вариант композиции западной части тетраконха представляет церковь, раскрытая в 2019–2023 гг. в Юстиниане Прима [19; 31]. Этот тетраконх (Рис. 4), относящийся к юстиниановскому периоду¹⁷, пополнил число известных нам аналогичных балканских церквей с отсутствующим восточным обходом, подтвердив устойчивость местного извода планировки. Однако, в отличие от других памятников группы, он не имел нартекса с примыкающими пастофориями: вместо этого в наос вели три соответствующих центральному нефу и боковым обходам проема непосредственно во внешней

¹⁷ Археологи, исследовавшие тетраконх, высказывают, однако, сомнение, что его строительство в VI в. было доведено до конца [19]. Вероятно, этим может объясняться отсутствие нартекса и парэкклесиев.

стене западной конхи. Отличие касалось и апсиды тетраконха: она имела граненую форму [31, р. 8, 10, 12], характерную для базилик Юстинианы Примы (ср. епископская базилика, базилика с криптой, южная базилика [29, р. 206–214]) и связанную с влиянием Константинополя. Наиболее близкой столичной аналогией, также представляющей собой центрическую структуру с обходом и выступающей граненой апсидой, служит церковь свв. Сергия и Вакха (527–536 гг.).

Юстиниана Прима, построенная по императорскому указу (Novella XI) *ex nihilo* в качестве нового архиепископского центра префектуры Иллирика, очевидным образом отражала столичные архитектурные вкусы и актуальные градостроительные идеи. Место тетраконха в городской структуре Юстинианы Примы особенно характерно. Верхний город с акрополем, где находилась епископская базилика, и Нижний город, где был возведен тетраконх, располагались на одной оси (север-юг): их соединяла центральная обрамленная колонными портиками улица. Две узловые точки на ней были отмечены площадями: в Верхнем городе — круглая площадь, находившаяся на пересечении с поперечной осью, которая вела от восточных городских ворот к акрополю с епископской базиликой; в Нижнем городе — полуциркулярная окруженная колоннадой площадь с фонтаном, на которую выходил тетраконх [30, р. 115]. Город был отмечен необычайно большим количеством церквей (что совпадает с описанием Юстинианы у Прокопия Кесарийского (De Aedificiis IV.I.19–27), однако именно эти две, самые крупные по своим размерам, — кафедральный собор и тетраконх — занимали наиболее выигрышное узловое положение в ткани города и были пространственно связаны его главной артерией.

Наиболее удобные подступы к располагавшейся на возвышенном плато Юстиниане Приме находились на юге, там, где город не был окружен руслами рек [30, р. 110]. Таким образом, один из возможных путей в центр города пролегал сквозь южные ворота, через тетраконх, который в таком случае должен был быть первой церковью *intra muros* для путешественника, шедшего мимо остальных городских церквей к главной епископской. Соотношение двух церковных центров притяжения города отчетливо считывалось на градостроительном уровне, даже если не предполагало каких-либо процессионных шествий. Кроме того, тетраконх, как и лихнидский, имел восточные двери (в южном обходе), подчеркивающие мотив движения сквозь пространство церкви, заданный также пропорциональной системой базилики: центральный неф был гораздо уже, чем у охридских или филиппопольского тетраконхов, и поэтому ориентация пространства по восточной оси была более выражена. Это позволяет выдвинуть предположение о распределении ролей между городскими церквями, похожее на то, что высказывалось относительно Плаошника, но в масштабе города, а не отдельного комплекса: тетраконх мог быть задуман как символически значимая церковь, которая должна была демонстрировать столичные коннотации и христианскую значимость Юстинианы Примы, формируя запоминающееся впечатление при входе или выходе из города, а епископская базилика — как церковно-административный центр, где проходили большие, проводимые епископом службы.

Таким образом, балканские тетраконхи демонстрируют разнообразие в расположении и функциях: они могли быть церквями и внутри, и вне города; помимо литургических, имели мемориальные, погребальные функции, а также (в случае Лихнида) нельзя

полностью исключать и использование тетраконха для определенных епископских целей. Все они располагались в епископских центрах или недалеко от них, не были при этом главными кафедральными соборами, а, скорее, служили точками паломнического притяжения, ориентированными, очевидно, не только на местный приход, но и на большое количество верующих, в том числе пришедших издалека по главным дорогам через Балканы. Ряд характеристик рассматриваемых памятников соответствуют выделенным Ю. Кристерном в качестве повторяющихся признаков позднеантичных паломнических комплексов: расположение на возвышении за чертой города (Лин, Перуштица; комплекс в Лихниде также расположен на возвышенности, но внутри города); объект поклонения как фокус всего ансамбля и репрезентация реликвий как основная цель их архитектуры (фокус на алтарной крипте в Лихниде; нетипичный придел-тетраконх ниже уровня пола в Лине; не исключено также, что южный придел в Перуштице мог использоваться для хранения реликвий); дополнительные постройки, такие как баптистерий, ксенодохий, цистерны и атриумы (наличие баптистерия и атриума отличает все рассматриваемые тетраконхи, кроме церкви в Юстиниане Прима; комплекс в Лине, помимо прочего, включает цистерны и, возможно, dormitorio). Среди основных черт Кристерн называл также монументальность, сценографичность архитектуры, богатство убранства, логично организованный план и осевую симметрию [20, р. 276–288], что отличает балканские, и, в особенности, охридские тетраконхи с обходом.

Помимо общих паломнических коннотаций и их довольно широко определяемых характеристик, балканские тетраконхи объединяет ряд более конкретных архитектурных черт: отсутствие обхода с восточной стороны (вокруг апсиды) и нарушение центрического характера наоса церкви, отличающегося в результате осевой, а не центральной симметрией; нартекс (у тетраконхов на территории Сирии и Северной Месопотамии он отсутствует) и примыкающие к нему западные пастофории, характерные для балканских церквей второй половины V — первой половины VI в., а также атриум (у восточных тетраконхов его, как правило, не было) и входы/выходы в восточной части обходов. Все балканские тетраконхи отличались большим масштабом и имели примерно одинаковый размер (со стороной около 30 м). Почти все они, кроме церкви в возведенной с нуля Юстиниане Прима, стояли на месте более ранних построек. Согласно М. Ваклиновой и Г. Атанасову, изначальное здание на месте церкви в Перуштице представляло собой мартирий в форме четырехлистника¹⁸ и относилось к первой половине IV в. Позже, в V в., были добавлены нартекс, экзонартекс и обходы, потребовавшие перестройки восточной конхи — апсиду удлин timer, так как старая конха оказалась «утоплена» в новых стенах обхода [17, р. 73; 41, р. 643]. Церковь в Лине также была возведена на месте предшествующей постройки III–IV в.; в частности, к IV в. относится северный придел в форме тетраконха [21]. Базилика в Лихниде изначально не имела обхода и представляла собой, вероятно, простой тетраконх, как и церковь в Перуштице. Помимо особенностей кладки и фрагментов фасадной штукатурки на фундаментах внутренней южной экседры, об этом первом этапе существования здания свидетельствуют

¹⁸ Действительно, на Балканах известен ряд мартириев второй половины IV в. с трех- и четырехлистным планом, например, тетраконх в Августе Траяне, триконхи в Сирмии, Акрине, Баре. См. [22, р. 147–149; 32, р. 115–130].

кирпичные чертежи, найденные при раскопках (один из которых был положен в устроенную в атриуме гробницу) [2, с. 41–42]. На одном из планов выгравирован тетраконх без обхода, соотносимый с центральным нефом церкви, а на другом изображены также обходы, хотя и иной формы, чем в итоге получил тетраконх [6, с. 260]. Графическая фиксация нескольких вариантов конфигурации церкви свидетельствует в пользу того, что это была не спонтанная стихийная обстройка, исходившая из чисто практических нужд литургии, а осознанная перепланировка, имевшая под собой конкретную архитектурную идею. Перестроенные (или возведенные) по похожей схеме, в начале — первой половине VI в. рассматриваемые памятники приобрели свою окончательную планировку. Очевидное сходство этой планировки может говорить о существовании определенного концептуального образца, единого архитектурного ориентира.

Представляется маловероятным, что прототипом для северобалканских тетраконхов мог послужить один из восточных памятников: мы не располагаем ни текстовыми, ни, собственно архитектурными свидетельствами каких-либо прямых связей. Среди сирийских церквей лишь тетраконх в Ресафе имеет схожий план без восточного обхода (но при этом имеет восточные, а не западные пастофории и лишен нартекса), в то время как большинство тетраконхов с обходом на территории Сирии и Северной Месопотамии, наоборот, имеют удлинённую алтарную часть, которая выносится за пределы основного объема тетраконха (ср. церкви в Селевкии Пиерии, Апамее, Амиде). Церковь в Ресафе, датируемая первой четвертью VI в., выглядит скорее архитектурным поиском, параллельным сложению балканской планировки, чем ее истоком. Ранним примером тетраконха с обходом, который мог бы служить прототипом с хронологической точки зрения, а также территориально более близкий за счет связи, которую демонстрирует Охридский регион с побережьем Адриатики, является церковь Сан-Лоренцо в Милане (последняя четверть IV — начало V в.). Действительно, ее планировка, подобно балканским примерам, включает нартекс и атриум, однако присутствует и восточный обход, так что ядро здания отличается абсолютно центрическим характером.

Северобалканские тетраконхи, по нашему мнению, могли иметь более близкий территориально прототип, которым служил другой ранний памятник — тетраконх в библиотеке Адриана в Афинах (вторая четверть V в., Рис. 5). Он обнаруживает удивительное сходство с рассматриваемыми церквями, демонстрируя весь набор свойственных им отличительных признаков: отсутствие восточного обхода, дверные проемы по сторонам от апсиды, выходившие к центральному залу библиотеки, нартекс с примыкающими с севера и юга симметричными дополнительными помещениями и колонный атриум.

Этот тетраконх считается в литературе самой ранней христианской церковью Афин [33, р. 105; 35, р. 286]. Комплекс библиотеки Адриана в Афинах (ок. 132 г.), по всей видимости, имел широкие функции и служил культурным центром города, включавшим, кроме библиотеки и лекционных/читальных залов, в том числе зал, предназначенный для отправления императорского культа: на основе структурных характеристик и сопоставления с римскими форумами (Принципия в Нове, Траянеум в Италике) библиотека Адриана идентифицируется как имперский форум, который должен был подчеркнуть культурную панэллинскую роль Афин как второго города империи [33; 39, р. 374–77]. В начале V в. библиотека Адриана все еще была активно функционировавшим центром,

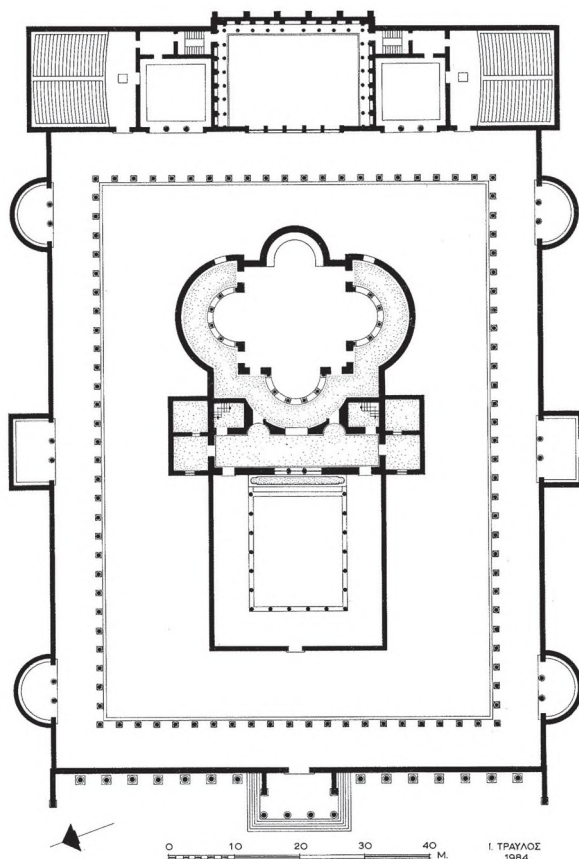

Рис. 5. Церковь-тетраконх в библиотеке Адриана в Афинах.
Воспроизводится по: [23, pl. 51b]

о чем свидетельствует ее реставрация, проведенная префектом Иллирика Геркулием (408–410). Следом за этой перестройкой, вероятно, по заказу императрицы Евдокии, уроженки Афин, на месте засыпанного бассейна в перистиле библиотеки была возведена церковь-тетраконх¹⁹ [33, p. 102–112].

Представляется, что расположение церкви в том пространстве, за которым в коллективной памяти горожан уже было закреплено значение культурного центра (имев-

¹⁹ Вероятно, императорский заказ мог подразумевать наличие определенного ориентира среди столпных церквей. В частности, к выводу о существовании в Константинополе некоей церкви IV в., которая послужила общим образцом для всех остальных тетраконхов с обходом, приходит Ю. Кляйнбауэр [35]. Не исключено, что этот прототип был общим для балканских памятников, однако за неимением каких-либо свидетельств его существования, невозможно утверждать, была ли эта связь прямой или же опосредованной — композиционная связь северобалканских тетраконхов с афинским остается самой близкой.

шего также императорские коннотации), позволило пришедшей на смену эллинской языческой христианской культуре стать ее преемницей не только в физическом пространстве, но и в пространстве смысла, утвердить свою роль как нового ориентира в духовной сфере. То, что комплекс библиотеки Адриана с тетраконхом во дворе взял на себя функцию нового центра, нашло отражение в структуре городской ткани: в середине V в. была проложена новая обрамленная колонными портиками дорога, которая соединила комплекс с Агорой [26, р. 15, 79; 33, р. 113; 38, р. 264–265]. Этот путь, ведущий к новой главной церкви Афин и использовавшийся для христианских процессий, вероятно, заместил утерявшую свою изначальную функцию процессионную дорогу от Агоры к Акрополю, по которой прежде двигалось Панафинейское шествие [33, р. 113]. Таким образом, процессионный характер, заложенный на градостроительном уровне, задавал вектор движению верующих по городу, направленный к афинскому тетраконху как к конечной цели и точке притяжения шествия.

Аналогичная роль была присуща и северобалканским тетраконхам с обходом: они представляли собой места христианского притяжения, куда вело целенаправленное движение внутри города (в Юстиниане Прима и в Лихниде) или из него (от Лихнида к Лину; из Филиппополя к тетраконху в Перуштице). Они не только фиксировали новую духовную доминанту территории, но и создавали вокруг себя сеть перемещений христиан, формировавшую христианское пространство северобалканских территорий, «пространство святых мест», состоящее из точек и связей между ними — процессионных и паломнических путей, которые позволяли освоить и трансформировать пространство (что было особенно важно для тех городов, которые уже имели достаточно долгую римскую историю — Лихнида, Филиппополя, так же как и Афин).

Не исключено, что приобретенная в Афинах ассоциация с центром новой христианской культуры, ее силой и главенством могла быть определяющей для выбора формы тетраконха с обходом на территории Северных Балкан. Епископским центрам (Лихнид, Юстиниана Прима, Филиппополь) важно было утвердить не только свое административное, но и духовное значение. Поэтому функцию епископской церкви могли брать на себя и другие базилики, не обязательно тетраконх (ср. Юстиниана Прима). Но именно тетраконх, возведенный по образу и подобию афинского, выступал как центр поклонения и паломнического притяжения, имевший, возможно, мемориальные функции. Кроме того, коннотации, связанные с императорским культом, которые, вероятно, имел тетраконх в библиотеке Адриана, могли быть удобно трансформированы и приспособлены к культу местных святых.

Таким образом, в регионе Северных Балкан к первой половине VI в. сложилась группа тетраконхов с обходом, имевшая ряд устойчивых отличительных характеристик, среди которых главными являлись отсутствие восточного обхода и сохранение базиликального характера, а также наличие нартекса и примыкающих к нему западных пастофориев. Подобная планировка восходила к композиции тетраконха в библиотеке Адриана в Афинах, игравшего роль центра духовной жизни и притяжения верующих. Коннотации афинского тетраконха могли повлиять на выбор этой планировки в Охридском регионе, которая получила апробацию и как городская церковь (Лихнид), и как церковь *extra muros* (Лин). *Via Egnatia* и *Via Militaris*, бывшие главными транспорт-

ными артериями, пересекавшими Северные Балканы и связывавшими крупные позднеантичные и раннехристианские центры, вероятно, способствовали распространению схемы вглубь северобалканского региона, в Филиппополь и Юстиниану Приму. Попад в юстиниановскую моду и оставаясь в ее русле, балканский тетраконх с обходом стал, однако, глубоко местным явлением, приспособленным местными мастерами под конкретные литургические нужды и архитектурные условия.

Литература

1. *Битракова-Грозданова В.* Старохристијански споменици во Охридско. — Охрид: Завод за заштита на спомениците на културата и Народен музеј Охрид, 1975. — 109 с.
2. *Битракова-Грозданова В.* Старохристијански споменици во Охридско. Поликонхална црква // Архитектурата на почвата на Македонија: прилози за истражувањето на историјата на културата на почвата на Македонија. Кн. 9. / Уред. Г. Старделов, К. Томовски, И. Цепароски. — Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2000. — С. 35–43.
3. *Бояджиев С.* Архитектура, првоначално предназначение и преустройства на Червената црква при Перушица // Археологија. — 1998. — № 39 (1–2). — С. 24–38.
4. *Виноградов А. Ю.* Развитие центрических планов в ранневизантийской храмовой архитектуре // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 15 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2025. — С. 128–134. — DOI 10.18688/aa2515-2-11
5. *Коцо Д.* Црквата св. Софија во Охрид // Годишен зборник на Филозофскиот факултет — 1949. — № 2 (1). — С. 341–358.
6. *Коцо Д.* Археолошки проучувања во Охрид од 1959 до 1965 год // Годишен Зборник на Филозофскиот Факултет. — 1967. — № 19. — С. 257–266.
7. *Коцо Д.* Ранохристијански базилики во областа на Охридското Езеро // Архитектурата на почвата на Македонија: прилози за истражувањето на историјата на културата на почвата на Македонија. — Скопје: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2000. — С. 27–33.
8. *Лилчиќ В.* Македонскиот камен за боговите, христијаните и за живот по животот: античка камена архитектонска пластика во Република Македонија. Т. 2: Доцна антика. — Скопје: Македонска цивилизација, 2002. — 618 с.
9. *Образцова К. Б.* Ротонда в Конюхе: некоторые аспекты влияния церковной и культурной политики в раннехристианской Дардании // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. — С. 27–51. — DOI 10.18688/aa2212-01-02
10. *Образцова К. Б.* Специфика архитектурного решения ротонды в Конюхе // Византийский временник. — 2023. — Т. 107. — С. 220–242.
11. *Образцова К. Б.* Западные влияния в раннехристианской архитектуре Северных Балкан // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 14 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2024. — С. 645–664. — DOI 10.18688/aa2414-10-53
12. *Стричевић Ђ.* Ђаконикон и протезис у ранохришћанским црквама // Старинар. — 1958–1959. — № 9–10. — С. 59–66.
13. *Тутковски М.* Ранохристијанските мозаици од Охрид. — Скопје: Каламус, 2014. — 238 р.
14. *Чанева-Дечевска Н.* Раннохристијанската архитектура в България IV–VI вв. — София: Св. Климент Охридски, 1999. — 346 с.
15. *Aleksova B.* Loca Sanctorum Macedoniae: The Cult of Martyrs in Macedonia from the 4th to the 9th Centuries. — Skopje: Macedonian Civilization, 1997. — 390 p.
16. *Anamali S.* Mozaikët e bazilikës paleokristiane të Linit (Pogradec) // Iliria. — 1974. — No. 3. — P. 329–342.
17. *Atanasov G.* L'église rouge de Perouchtitsa — Le Martyrium des Saints Théodote, Asclépiodote et Maxime de Marcianopolis (Moesia Secunda) // Pontica. — 2024. — No. 57. — P. 71–89.

18. *Babić G.* Les Chapelles annexes des églises byzantines: fonction liturgique et programmes iconographiques. — Paris: Klincksieck, 1969. — 191 p.
19. *Bugarski I., Vanderheyde C., Bavant B., Ivanišević V. et Lalanne T.* Fouilles archéologiques et prospections à Caričin Grad (Justiniana Prima) en Serbie. Campagne 2023 // Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. 2024. URL: <https://journals.openedition.org/baefe/11418> (дата обращения 30.08.2025).
20. *Christern J.* Das frühchristliche Pilgerheiligtum von Tebessa. Architektur und Ornamentik einer spätantiken Bauhütte in Nordafrika. — Wiesbaden: Steiner, 1976. — 389 S.
21. *Çikopano U.* Mozaikët paleokristiane dhe bazilika e Linit: art, histori, arkeologji. — Tiranë: Adelprint, 2013. — 135 p.
22. *Čurčić S.* Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. — New Haven: Yale University Press, 2010. — 913 p.
23. *Fasolo M.* La via Egnatia I. Da Apollonia e Dyrrachium ad Herakleia Lynkestidos. — Rome: Istituto Grafico Editoriale Romano, 2003. — 286 p.
24. *Filipova S.* Early Christian Reliquaries and Encolpia and the Problem of the So-Called Crypt Reliquaries in the Republic of Macedonia // Rome, Constantinople and Newly Converted Europe, Archaeological and Historical Evidence. Vol. II. — Kraków: Poligrafia Inspektoratu Towarzystwa Salezjańskiego, 2012. — P. 113–130.
25. *Filipova S.* Liturgical furniture of the Early Christian basilicas in R.N. Macedonia // Studia academica Šumenensia. — 2022. — No. 9. — P. 143–196.
26. *Frantz A.* The Athenian Agora XXIV. Late Antiquity: A.D. 267–700. — Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1988. — 156 p.
27. *Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Vols I et II. — Paris: Collège de France, 1943–1946. — 1040 p.
28. *Hobdari E.* La chiesa paleocristiana di Lin ed il suo contesto // Colloque final du Projet ANR Danubius: Les églises tétraconques dans l'Antiquité tardive. 2022. URL: https://danubius.huma-num.fr/wp-content/uploads/2022/11/Programme_Colloque_Danubius_03-11-2022.pdf (дата обращения 01.09.2025).
29. *Hoddinott R. F.* Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. A Study of the Origins and the Initial Development of East Christian Art. — London: Macmillan, 1963. — 262 p.
30. *Ivanišević V.* Caričin Grad (Justiniana Prima): A New-Discovered City for a 'New' Society // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies: Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers / Ed. S. Marjanović-Dušanić. — Belgrade: The Serbian National Committee of AIEB, 2016. — P. 107–126.
31. *Ivanišević V., Vanderheyde C., Bavant B., Bugarski I. et Zdravković V.* Fouilles archéologiques à Caričin Grad en Serbie. Campagne 2022 // Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger. 2023. URL: <https://journals.openedition.org/baefe/7380> (дата обращения 30.08.2025).
32. *Jeremić M.* Adolf Hytsek et les premières fouilles archéologiques à Sirmium // Старинар. — 2006. — No. 55. — P. 115–130.
33. *Karivieri A.* The So-Called Library of Hadrian and the Tetraconch Church in Athens // Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens A.D. 267–529 / Ed. P. Castrén. — Helsinki: Finnish Institute at Athens, 1994. — P. 89–115.
34. *Kleinbauer E. W.* The Origin and Functions of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Northern Mesopotamia // Dumbarton Oaks Papers. — 1973. — No. 27. — P. 89–114.
35. *Kleinbauer E. W.* The Double Shell Tetraconch Building at Perge in Pamphylia and the Origins of the Architectural Genus // Dumbarton Oaks Papers. — 1987. — No. 41. — P. 227–293.
36. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. — Baltimore: Penguin Books, 1965. — 390 p.
37. *Meksi A.* Arkitektura Paleokristiane ne Shqiperi // Monumentet. — 1985. — No. 2. — P. 13–44.
38. *Shear Jr. T. L.* The Athenian Agora: Excavations of 1970 // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. — 1971. — No. 40 (3). — P. 241–279.
39. *Shear Jr. T. L.* Athens: From City-State to Provincial Town // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. — 1981. — No. 50 (4). — P. 356–377.
40. *Tutkovski M.* Newly Discovered Mosaics in the Tetraconchal Church at Plaoshnik // Patrimonium.mk. — 2012. — No. 10. — P. 107–116.
41. *Vaklinova M.* L'Église rouge de Perouchitsa (Bulgarie) et sa periodisation // Byzantinische Forschungen. — 1989. — No. 14 (1). — P. 637–656.
42. *Vesevska I. T.* Between East and West: Early Christian Bishops from the Territory of the Republic of Macedonia in Historical Sources // Živa Antika. — 2018. — No. 68. — P. 183–198.

Название статьи. Тетраконх с обходом как самостоятельная вариация архитектурного типа на территории Северных Балкан в V–VI веках

Сведения об авторе. Вернер, Анжелика Олеговна — аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991; научный сотрудник. Филиал ФБГУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, Душинская ул., 9, Москва, Российская Федерация, 111024; angelique.verner@yandex.ru; SPIN-код: 6668-5407; ORCID: 0000-0002-3628-8320; Scopus ID: 24345883500

Аннотация. В конце V — первой половине VI в. на территории Северных Балкан сложилась группа церквей, имевших план в виде тетраконха с обходом. Церкви в Лихниде (Охриде), Лине, Перуштице и Юстиниане Приме (Царичином Граде) демонстрируют ряд устойчивых характеристик, среди которых главными являются отсутствие обхода с востока и наличие нартекса с примыкающими парэкклесиями. Не свойственные аналогичным по планировке памятникам Италии, Сирии и Египта, эти черты выделяют балканские тетраконхи как самостоятельный извод архитектурной типологии. Особенности устройства нартекса и мозаичной декорации охридских тетраконхов находят тесные параллели в других памятниках региона, что позволяет рассматривать их как произведение местных мастеров. Вероятным прототипом северобалканских тетраконхов следует считать церковь в библиотеке Адриана в Афинах (вторая четверть V в.), игравшую роль центра духовной жизни города и точки притяжения верующих. Подобные коннотации могли повлиять на выбор планировки рассматриваемых церквей, служивших важными местами поклонения. Анализ пространственного расположения тетраконхов в структуре городской ткани и относительно главных путей, пересекавших Балканский полуостров (*Via Egnatia* и *Via Militaris*), в сопоставлении с отдельными деталями памятников (наличие крипты и баптистерия, особенности декорации) свидетельствует об их общем паломническом характере.

Ключевые слова: раннехристианская архитектура, тетраконх, Северные Балканы, Лихнид, Лин, Перуштица, Юстиниана Прима, паломническая архитектура

Title. Aisled Tetraconch as a Regional Variation of the Architectural Type in the Northern Balkans (5th–6th Centuries)²⁰

Author. Verner, Anzhelika O. — M.A., Ph. D. student. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russian Federation; researcher. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation; angelique.verner@yandex.ru; SPIN-code: 6668-5407; ORCID: 0000-0002-3628-8320; Scopus ID: 24345883500

Abstract. In the late 5th — first half of the 6th century, a number of aisled tetraconchs were built in the Northern Balkans. The quatrefoil churches in Lychnidos (Ohrid), Lin, Perushtitsa, and Justiniana Prima (Caricin Grad) display a number of characteristic features, the most important of which is the absence of an ambulatory on the east and the presence of a narthex with adjoining rooms. Uncommon for the tetraconchs in Italy, Syria, and Egypt, these traits distinguish the Balkan group as a specific variation of the architectural type. The narthex layout and mosaic decoration of the Ohrid basilicas find close parallels in the region, suggesting they were the work of local artists. The tetraconch in Hadrian's Library in Athens (second quarter of the 5th century), which served as the first Christian center of the city, is considered as a likely prototype. Its connotations may have influenced the layout of the churches in question, which functioned as important centers of devotion. An analysis of the spatial arrangement of the tetraconchs along the main routes crossing the Balkans (*Via Egnatia* and *Via Diagonalis*) and within the urban fabric, in conjunction with certain details of the complexes (presence of a crypt and baptistery, mosaic features), attests to their shared pilgrimage nature.

Keywords: Early Christian architecture, tetraconch, Northern Balkans, Lychnidos, Lin, Perushtitsa, Justiniana Prima, pilgrimage architecture

References

Aleksova B. *Loca Sanctorum Macedoniae: The Cult of Martyrs in Macedonia from the 4th to the 9th Centuries*. Skopje, Macedonian Civilization Publ., 1997. 390 p.

²⁰ This work is supported by the Russian Science Foundation (grant 25-18-00656), <https://rscf.ru/en/project/25-18-00656/>, and done at the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning — branch of the Central Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia.

- Anamali S. Mozaikët e bazilikës paleokristiane të Linit (Pogradec). *Iliria*, 1974, vol. 3, pp. 329–342 (in Albanian).
- Atanasov G. L'église rouge de Perouchitsa — Le Martyrium des Saints Théodote, Asclépiodote et Maxime de Marcianopolis (Moesia Secunda). *Pontica*, 2024, vol. 57, pp. 71–89 (in French).
- Babić G. *Les Chapelles annexes des églises byzantines: fonction liturgique et programmes iconographiques*. Paris, Klincksieck Publ., 1969. 191 p. (in French).
- Bitrakova-Grozdanova V. *Monuments paléochrétiens de la région d'Ohrid*. Ohrid, Zavod za zaštita na spomenice na kulturata: Naroden muzej Publ., 1975. 109 p. (in Macedonian and French).
- Boiadzhiev S. Architecture, Original Purpose and Reconstructions of the Red Church at Perushitsa. *Arkheologija*, 1998, vol. 39, no. 1–2, pp. 24–38 (in Bulgarian).
- Bugarski I.; Vanderheyde C.; Bavant B.; Ivanišević V. et Lalanne T. Fouilles archéologiques et prospections à Caričin Grad (Justiniana Prima) en Serbie. Campagne 2023. *Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger*, 2024. Available at: <https://journals.openedition.org/baefe/11418> (accessed 30 August 2025).
- Chaneva-Dechevska N. *Rannokhristianskata arhitektura v Bŭlgaria IV–VI vv. (Early Christian architecture in Bulgaria, 4th–6th Century)*. Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 1999. 346 p. (in Bulgarian).
- Çikopano U. *Mozaikët paleokristiane dhe bazilika e Linit: art, histori, arkeologji*. Tiranë, Adelprint Publ., 2013. 135 p. (in Albanian).
- Čurčić S. *Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven, Yale University Press Publ., 2010. 913 p.
- Filipova S. Early Christian Reliquaries and Encolpia and the Problem of the So-Called Crypt Reliquaries in the Republic of Macedonia. *Rome, Constantinople and Newly Converted Europe, Archaeological and Historical Evidence*, vol. 2. Kraków, Poligrafia Inspektoratu Towarzystwa Salezjańskiego Publ., 2012, pp. 113–130.
- Filipova S. Liturgical furniture of the Early Christian basilicas in R. N. Macedonia. *Studia academica Šumenensia*, 2022, vol. 9, pp. 143–196.
- Gazgazi V. *Early Christian Church Architecture at the Thracian Coast of Bulgaria of the Black Sea Region* (A thesis submitted for the degree of Master of Arts). Thessaloniki, International Hellenic University Publ., 2016. 85 p.
- Grabar A. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*, vols 1–2. Paris, Collège de France Publ., 1943–1946. 1040 p. (in French).
- Hobdari E. La chiesa paleocristiana di Lin ed il suo contesto. *Colloque final du Projet ANR Danubius: Les églises tétraconques dans l'Antiquité tardive*, 2022. Available at: https://danubius.huma-num.fr/wp-content/uploads/2022/11/Programme_Colloque_Danubius_03-11-2022.pdf (accessed 1 September 2025).
- Hoddinott R. F. *Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. A Study of the Origins and the Initial Development of East Christian Art*. London, Macmillan Publ., 1963. 262 p.
- Ivanišević V. Caričin Grad (Justiniana Prima): A New-Discovered City for a 'New' Society. *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies: Belgrade, 22–27 August 2016. Plenary Papers*. Belgrade, The Serbian National Committee of AIEB Publ., 2016, pp. 107–126.
- Ivanišević V.; Vanderheyde C.; Bavant B.; Bugarski I. et Zdravković V. Fouilles archéologiques à Caričin Grad en Serbie. Campagne 2022. *Bulletin archéologique des Écoles françaises à l'étranger*, 2023. Available at: <https://journals.openedition.org/baefe/7380> (accessed 30 August 2025).
- Karivieri A. The So-Called Library of Hadrian and the Tetraconch Church in Athens. *Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens A. D. 267–529*. Helsinki, Finnish Institute at Athens Publ., 1994, pp. 89–115.
- Kleinbauer E. W. The Origin and Functions of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Northern Mesopotamia. *Dumbarton Oaks Papers*, 1973, vol. 27, pp. 89–114.
- Kleinbauer E. W. The Double Shell Tetraconch Building at Perge in Pamphylia and the Origins of the Architectural Genus. *Dumbarton Oaks Papers*, 1987, vol. 41, pp. 227–293.
- Koco D. The Church of St. Sophia in Ohrid. *Godišen Zbornik na Filozofskiot fakultet*, 1949, vol. 2, no. 1, pp. 341–358 (in Macedonian).
- Koco D. Recherches archéologiques à Ochrid de 1959 à 1965. *Godišen Zbornik na Filozofskiot fakultet*, 1967, vol. 19, pp. 257–266 (in Macedonian and French).
- Koco D. Early Christian basilicas in the Lake Ohrid area. *Arhitektura na počvata na Makedonija: prilozi za istraživanje na istorijata na kulturata na počvata na Makedonija*. Skopje, Makedonska akademija na naukite i umetnostite Publ., 2000, pp. 27–33 (in Macedonian).
- Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Baltimore, Penguin Books Publ., 1965. 390 p.

Lilčik V. *Makedonskiot kamen za bogovite, hristijanite i za život po životot: antička kamena arhitektonska plastika vo Republika Makedonija. T. 2: Docna antika (Macedonian stone for gods, christians and afterlife. Vol. 2: Late Antiquity)*. Skopje, Makedonska civilizacija Publ., 2002. 618 p. (in Macedonian).

Maltseva S. V. Triconches in Balkan Architecture of the 4th–12th Centuries. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 2018, vol. 32, pp. 34–58 (in Russian). DOI 10.15382/sturV201832.34-58

Meksi A. Arkitektura Paleokristiane ne Shqiperi. *Monumentet*, 1985, vol. 2, pp. 13–44 (in Albanian).

Obraztsova K. B. The Rotunda at Konjuh: Some Aspects of the Religious and Cultural Policy Influence in Early Cristian Dardania. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, 2022, vol. 12, pp. 27–51. DOI 10.18688/aa2212-01-02 (in Russian).

Obraztsova K. B. Specificity of Architectural Features of the Rotunda at Konjuh. *Vizantiiskii vremennik*, 2023, vol. 107, pp. 220–242 (in Russian).

Obraztsova K. B. Western Influences in the Early Christian Architecture of the Northern Balkans. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, 2024, vol. 14, pp. 645–664. DOI 10.18688/aa2414-10-53 (in Russian).

Shear Jr. T. L. Athens: From City-State to Provincial Town. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, 1981, vol. 50, no. 4, pp. 356–377.

Stričević Dj. The Diakonikon and the Prothesis in Early Christian Curches. *Starinar*, 1958–1959, no. 9–10, pp. 59–66 (in Serbian).

Tutkovski M. Newly Discovered Mosaics in the Tetraconchal Church at Plaoshnik. *Patrimonium.mk.*, 2012, vol. 10, pp. 107–116.

Tutkovski M. *Ranohristijanskite mozaici od Ohrid (The Early Christian Mosaics of Ohrid)*. Skopje, Kalamus Publ., 2014. 238 p. (in Macedonian).

Vaklinova M. L'Église rouge de Perouchitsa (Bulgarie) et sa periodisation. *Byzantinische Forshungen*, 1989, vol. 14, no. 1, pp. 637–656 (in French).

Vinogradov A. Y. Development of Centric Plans in Early Byzantine Church Architecture. *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, 2025, vol. 15, pp. 128–134. DOI 10.18688/aa2515-2-11 (in Russian).